

Ольга Брюс

Капкан

18+

Ольга Брюс

Капкан

<https://litres.ru/73948778>

SelfPub; 2026

Аннотация

Работа в богатом особняке казалась Виктории шансом начать жизнь с чистого листа. Но всё меняется, когда она встречает Матвея. Его прозвище - Капкан, и, однажды попав в его орбиту, вырваться уже почти невозможно...

Книга вторая

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Ольга Брюс

Капкан

Глава 1

Алевтина Михайловна поставила чашку на поднос и кивнула Виктории:

– Иди, отнеси ей. И не бойся, если она начнёт расспрашивать тебя. Альбина, конечно, та ещё штучка, но когда ты сумеешь найти к ней подход, все будет хорошо.

– А Матвей Вячеславович кофе не пьёт?

– Перед ужином – никогда. А вот с утра очень любит. Без сахара и сливок. Ну я тебя всему научу. А теперь неси скорее, Альбиночка не любит ждать.

Вика подхватила поднос и направилась к новой хозяйке.

Гостиная была выполнена в светлых, модных тонах: жемчужно-серый, белый и редкие вкрапления графита. Низкие, чётко очерченные диваны и кресла из велюра добавляли помещению композиционную строгость. Стены украшала единственная, но очень дорогая картина — абстракция в спокойных пастельных тонах. Прямо перед Альбиной стоял низкий стеклянный стол, на который Вика поставила фарфоровую чашку кофе с блюдцем. Дизайнерский торшер, похожий на изогнутую ветку дерева, отбрасывал мягкий, но чёт-

кий свет, подчёркивая острые скулы хозяйки и её надменный, изучающий взгляд. Левая рука с идеальным маникюром покоилась на подлокотнике кресла, пальцы едва касались глянцевой поверхности модного журнала.

Воздух в комнате пах дорогим парфюмом с нотками ириса и свежей древесины – запах денег, которые не выставляют напоказ. Каждая деталь интерьера кричала о вкусе, статусе и абсолютном порядке. Это идеальное, чуть прохладное пространство служило прекрасной оправой для Альбины Геннадьевны, которая, грациозно положив ногу на ногу, рассматривала Викторию с выражением лёгкой брезгливости, словно изучала насекомое, случайно залетевшее на её безупречную территорию.

– Значит так, голубушка, – начала она холодным, металлическим голосом, не глядя на Вику, а изучая собственный маникюр. – Алевтина Михайловна, наша бессменная помощница, ввела тебя в курс дела. Но я хочу расставить точки над «и». Мне всё равно, кем была ты там, за дверью, здесь ты – обслуживающий персонал.

Вика молча кивнула.

– Попрошу заметить, – продолжила Альбина Геннадьевна, поднимая наконец глаза. – В этом доме не терпят неряшливости. Еда, которая подаётся на стол, должна быть строго определённого вкуса и температуры, вещи выглажены идеально, а посуда – протёрта до скрипа. Если ты позволишь себе какую-то вольность, или, не дай бог, что-то испортишь, я

тебя уволю в тот же день безо всякой оплаты.

Вика слушала Альбину и чувствовала, что каждое слово падает ей в пылающую душу, словно тяжёлая капля ледяной воды. Вика физически ощутила, как шипят и вскипают на раскалённой поверхности эти капли. Она уже открыла рот, чтобы ответить, что не позволит разговаривать с собой в таком тоне, но в этот момент почувствовала на себе чужой взгляд. Матвей Вячеславович, хозяин дома, стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку. Он не смотрел на жену, он смотрел на Викторию. Во взгляде его красивых глаз читалась насмешка, лёгкая, опасная, знакомая. Вика вспыхнула до корней волос. Сердце пропустило удар. Неужели Неужели он не узнал её? Да, после их последней встречи прошло много лет, и тогда она была совсем девчонкой, но разве она так сильно изменилась? Вряд ли. Тогда почему же он делает вид, что впервые видит её, и забудет, как только за ней захлопнется дверь. Нет, она никогда не сдавалась и выдержит сейчас.

Вика опустила взгляд, закусил губу, смиряя гордыню.

Дальше вечер тянулся бесконечно. Под чутким и внимательным руководством Алевтины Михайловны, Вике пришлось сервировать стол к ужину. Она расставляла приборы, раскладывала салфетки, приносила разные закуски, поражаясь, зачем так много еды двоим людям. Альбина все так же сидела в кресле, а Матвея куда-то ушёл. Но думала Вика сейчас не о нём. Память отбросила её далеко назад, в прошлое,

туда, где вместо таких красивых тарелок, еду подавали в громоздких тяжёлых мисках, украшенных по ободку блеклой полоской. А ещё там всегда было шумно, страшно и больно.

Она вспомнила их с Капканом детский дом. Вспомнила запах хлорки, переваренной капусты и вечной сырости. Спальня на тридцать коек, где каждый матрас был в пятнах, а простыни – серые и дырявые от бесчисленных стирок, с расплзшимся штампом в уголке. Единственным ярким пятном в этом мире уныния была огромная, облупившаяся алым фреска на стене столовой – пионер, трубящий в горн. Но радости этот горн не приносил, он звал к обыденной пытке – еде.

Вика, как и все младшие дети, часто должна была дежурить в столовой, выполняя эту обязанность за старших воспитанников, которые за отказ могли неделями издеваться над беззащитной малышнёй, и бить её до потери сознания по ночам, поймав в укромном местечке.

Обычно Вика делила такие дежурства вместе с Катей Килькой, как её дразнили за вечно слипшееся медно-рыжие волосы и худобу. И в тот день тоже девочки работали вместе, обслуживая других ребят, начиная, конечно, по старшинству. Воспоминание о том дне накрыло Викторию горячей волной затаённой в душе боли.

Она как будто снова увидела тот длинный, покрытый затёртой клеёнкой стол, за которым сидели самые злые и сильные ребята: Паша Клиновой, Клин, – приземистый, широ-

копелчий, с кулаками, похожими на молоты, Денис Байдак, Андрей Трубицын, Вовка Шукин, Герка Бабкин и молчаливый Матвей Капкан, прозванный так за мёртвую хватку и насмешливый, цепкий взгляд.

Катя, трясась от страха, ставила перед Шукиным тарелку с мутным перловым супом.

– Аккуратнее, косорукая! – прикрикнул он на неё. Тарелка в руках Кильки дрогнула, суп качнулся и пальцы девочки обмакнула неприятная горячая жижа.

– Ты чего творишь, килька дохлая?! – заорал Шука, вскакивая с места.

Удар был коротким и тяжёлым. Его кулак скользнул по лицу и впечатался Кате в плечо, отбросив её назад. Тарелка вылетела у девочки из рук и глухо разбилась вдребезги, расплескав серую жидкость по затоптанному полу. Катя заплакала – тонко, по-щенячьи, вытирая рукавом разбитые в кровь губы. Виктория замерла с подносом в руках, глядя, как Катя, всхлипывая и размазывая грязь по лицу, пытается собрать осколки от тарелки. Вокруг галдели дети, кто-то тыкал пальцем в сторону Кильки, кто-то свистел. Шука, довольно потирая костяшки, уже уселся на свое место, ожидая новой порции баланды. Кто-то из мальчишек пододвинул ему свой кусок хлеба, и он жадно впился в него зубами. Вика, шедшая с подносом замерла и перевела взгляд на Капкана. Он сидел неподвижно, откинувшись на спинку стула. Брызги серого супа попали ему на щеку и на выцветшую рубашку. Он мед-

ленно, с какой-то ленивой грацией, провёл ладонью по лицу, стирая влагу, и усмехнулся. Усмешка вышла кривой, злой, но в глазах мелькнуло что-то непонятное и острое.

– Эй, полегче! Горячо же! – бросил он, ни к кому не обращаясь.

А потом посмотрел на Вику. Во взгляде его не было злобы. Была та самая странная, горькая насмешка, которую так не любила Вика. Он как будто говорил глазами: «Смотри, вот она, наша жизнь. Ничего не меняется. Мы здесь лишь для того, чтобы терпеть». И хотя она ждала, что он сейчас встанет, схватит Щуку за шиворот и хорошенько встряхнёт, а потом заставит извиниться перед Катей, этого не произошло. Капкан промолчал. Не заступился. Ни словом не обмолвился.

И тогда в Вике что-то оборвалось. Она в одно мгновение превратилась в Волчицу, готовую рвать зубами каждого, кто посмеет приблизиться к ней. Раньше она старалась быть незаметной, тихой девочкой, которая готова слиться со стенами, чтобы её не трогали. Но не сейчас. Обида за Катю, за эту несчастную, вечно дрожащую девчонку, полоснула её по сердцу острее ножа. Она подошла и поставила свой поднос с тарелками на стол перед Щукой, взяла одну из них, полную горячего жидкого супа, и опрокинула её содержимое прямо над его головой. Мутная жижа потекла по его волосам, залила плечи, просочилась за шиворот.

Все произошло так быстро, что он не успел ничего понять.

– Ой, простите! – пискнула она неестественно тонким го-

лосом, изображая испуг. – Я такая неловкая! Оступилась, наверное.

На секунду в столовой воцарилась тишина, оглушительная, ватная. Щука взревел, как раненый зверь, вскакивая, но в этот момент Вика развернулась. Рядом стоял стакан с компотом из сухофруктов. Она схватила его и, не глядя, плеснула мутно-розовой жидкостью прямо в лицо Матвею Капкану, который уже начал подниматься со стула.

– А ты остынь, если тебе горячо, – процедила она сквозь зубы, глядя ему прямо в глаза. В её взгляде была такая ненависть и горечь, что он на мгновение замер.

Компот залил ему лицо, капал с подбородка, намочил ворот рубашки. И Вика подумала, что он сейчас тоже ударит её, как Щука Катю.

Но Капкан не ударил. Он только снова усмехнулся и посмотрел на неё так, будто видел впервые. В этом взгляде не было злобы. Было удивление. И что-то ещё, чему Вика тогда не нашла названия.

В этот момент дверь расшумевшейся столовой распахнулась. На пороге стояла Клавдия Ильинична Коростылева, директор детдома – строгая, надменная женщина с тяжёлым взглядом и голосом, способным заглушить грозу.

– Что здесь происходит?! – заорала она, и столовую мгновенно сковала мёртвая тишина. – Щукин! Романов! Вы что, свиньи? Немедленно переодеться! Живо!

Щука, брызжа слюной и проклиная всех на свете, выбежал

из столовой. Матвей, вытирая лицо рукавом, прошёл мимо Вики. Он не обернулся, но на губах его снова играла та самая усмешка.

– Кто это натворил?

Несколько ребят показали на Катю и Вику, торопливо объясняя, что произошло.

– Вы! – Клавдия Ильинична перевела тяжёлый взгляд на обеих девочек. – Чтобы через пять минут здесь все блестело! Пол вымыть, столы натереть, осколки убрать. И чтобы ни одна крошка не валялась! А ты, Валетова, если ещё раз разобьёшь казённую посуду, я тебя тоже расколочу как глиняный горшок!

Катя, шмыгая носом, кивнула и поплелась за тряпкой. Вика стояла на месте, сжимая кулаки.

– Ну, а ты чего встала?! – рывкнула директор.

– Я не буду убирать, – тихо, но твёрдо сказала Вика. – Я не виновата.

Клавдия Ильинична побагровела. Она подошла к Вике, грубо схватила её за волосы, намотав их на кулак, и потащила к выходу, не слушая её криков и попыток вырваться. В глазах детей, сидевших за столами, не было сочувствия. Они привыкли. Это была их реальность.

Директор заперла Вику в темной, холодной подсобке, где пахло мышами и сыростью. Щёлкнул замок.

– Два дня посидишь, – донеслось из-за двери. – Будешь умнее. Хлеб и вода раз в день. Если будешь орать – оста-

нешься без них.

Вика сползла по стене на холодный пол, обхватила колени руками и заплакала.

***

– Вика Ты что? – Алевтина Михайловна осторожно коснулась плеча своей помощницы.

– А? Нет, ничего – встрепелась та. – Простите

Вика разгладила складку на скатерти, уставленной изысканными яствами. На красивом блюде лежали медальоны из телятины с трюфельным соусом, в хрустальной вазе горкой возвышался салат из лобстера с манго и авокадо, а рядом, в прозрачных креманках, застыло ванильное парфе с ягодным конфи.

Но как только появились хозяева, она вышла из столовой, лишь на одно мгновение задержавшись на пороге. Матвей Вячеславович изящно орудовал ножом и вилкой, отрезая кусочек нежного мяса. Он не смотрел на неё. Он обсуждал с женой какой-то светский приём, поправляя манжету дорогой рубашки.

Неужели он не помнит? Неужели он не узнал в ней ту самую дерзкую девчонку, что плеснула ему в лицо компот? Эта мысль обожгла Викторю сильнее, чем пощёчина. В груди заныло, заскребло тупой болью. Она была готова к тому, что её унизят, обругают, выгонят, но не к тому, что её просто не заметят. Что она стала пустым местом. Что их общая, жестокая, изломанная юность, в которой они оба были ничьими,

ничего для него не значит.

Она сглотнула ком, подступивший к горлу. Ещё один рубец на сердце. Их уже столько, что сердце должно было бы превратиться в изуродованную шрамами ткань. Но оно, глухое, продолжало болеть.

– Виктория, – раздался рядом с ней мягкий голос Алевтины Михайловны. – Ты сама подай чай в гостиную. И смотри, не разлей. В прошлый раз твоя предшественница оставила пятно на ковре. Мне пришлось купить новый. Ценой в три твоих зарплаты, кстати.

– Да, Алевтина Михайловна, – послушно ответила Вика, принимая тяжёлый серебряный поднос с чайным сервизом.

Она сделала всё, как надо, но, выходя из столовой, буквально ощутила спиной насмешливый взгляд Матвея. Или ей это только казалось?

Глава 2

Дни Виктории в особняке Романовых текли размеренно и монотонно, словно вода сквозь пальцы. Она вставала рано, когда за окнами ещё висела сиреневая предрассветная дымка, и первым делом шла на кухню – готовить завтрак для Альбины Геннадьевны и Матвея Вячеславовича.

Хозяйка предпочитала есть лёгкие блюда: омлет с трюфельным маслом, свежие круассаны с несолёным маслом и чашкой элитного кофе, в зависимости от настроения – повенски, макиато или ристретто. Вика быстро научилась подстраиваться под капризный вкус женщины, хотя каждое утро ловила на себе её ледяной, оценивающий взгляд.

Матвей летом и зимой начинал свой день за час до рассвета. Он не признавал будильник – внутренние часы безошибочно поднимали его с постели в одно и то же время. В то время как его капризная жена ещё крепко спала, Матвей уже стоял у окна, разминая затёкшие после сна плечи и выбирая по погоде, что надеть на пробежку.

Одевался он быстро, без лишних церемоний: спортивные штаны, простая футболка или растянутый свитер, любимые кроссовки, кепка в дождь или ветер – ничего показного или привлекательного для посторонних глаз. Эти пробежки были его личным ритуалом, временем, когда он принадлежал только себе. Он никогда не брал с собой телефон, только на-

ушники и мини-плеер с музыкой, которая звучала синхронно с ритмом его собственного дыхания, хрустом гравия под подошвой и звуками просыпающегося города.

Маршрут его был неизменным последние несколько лет: от ворот особняка вдоль реки на холм до старой водонапорной башни и обратно. Ровно восемь километров, ни метр больше, ни метр меньше. Бежал он ровно, без рывков, экономно расходуя силы опытного бегуна. Даже в дождь и мороз он выходил на пробежку, считая пропуск утреннего бега проявлением слабости, которой не место в его жизни. В ливень он бежал особенно сердито, сбивая ногами лужи, будто вымещая на них что-то такое, что вечно сидело у него внутри и не находило выхода.

После душа он спускался в столовую, где его уже ждал сервированный стол. Супруга посмеивалась над его привычками, называя их «простонародными», но Матвей не обращал на это никакого внимания.

Он требовал простоты и основательности. Яйца всмятку. Хлеб – ржаной, грубого помола, без всяких там семечек и отрубей. Творог – зернистый, домашний, с жирной, чуть кисловатой сметаной и крупной солью. И кусок холодной телятины или буженины, чаще оставшейся после ужина. Никаких салатов, никаких фруктовых нарезок и йогуртов – это всё он считал баловством, едой для женщин и детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.